

А. Дмитровский

Энциклопедия: наименования и определения

Энциклопедии создаются на века. Мы уже второе столетие пользуемся Брокгаузом и Эфроном, а у французов сформировался даже особый культ своей первой «Энциклопедии наук, искусств и ремесел» (1751—1789). И вот — наша новая «Большая энциклопедия» в 62 томах, недавно вышедшая в московском издательстве «Терра». Сейчас она, как и прославленная французская энциклопедия, воспринимается в контексте судьбоносных задач современности, возрождения и процветания страны, и поэтому общественное внимание и требования к ней самые высокие. Конечно, «Большая энциклопедия» по современному научному уровню, а также по превосходному дизайну, богатейшему и зачастую уникальному иллюстративному материалу в целом на уровне времени и задач. И тем не менее...

Всем памятен совет Рене Декарта: «Определяйте значение слов, и вы избавите человечество от половины заблуждений». Однако некоторые определения нашей энциклопедии оказываются не вполне ясными, а то и вовсе странными. Это в первую очередь касается национальной и государственной принадлежности писателей. Поскольку литература и искусство составляют исходные феномены национального самосознания и культуры, писателей принято обозначать по национально-культурной принадлежности. В самом деле, есть государство Великобритания, но великобританских писателей нет, они — английские. В отношении зарубежных писателей энциклопедия точна, но насчет отечественных...

Писатели Древней Руси: Иларион, Нестор, Епифаний Премудрый, Симеон Полоцкий, — определены, как и подобает, русскими. Но начиная с XVIII века писатели уже делаются российскими. Или вправду с этого рубежа наши музы становятся формально-государственными служащими, утрачивая народно-национальный потенциал? И как быть в этом случае с самой русской литературой, если ее творцам в соответствующем определении отказывается? Кстати, в энциклопедии есть статья «Русская фило-

софия». Есть «Русская рысистая лошадь», «Русская псовая борзая», но «Русской литературы» — нет.

Правда, есть приятные исключения. Из XX века русским поэтом как таковым объявлен... Маяковский. Из наших трех великих Толстых Лев Николаевич и Алексей Николаевич оформлены по государственному статусу, но Алексей Константинович все же удостоился звания русского поэта. И еще в нашем «золотом» XIX веке русскими поэтами признаны Полежаев и Жадовская. Положение тем более запутывается, что Муса Джалиль и Расул Гамзатов даются отнюдь не по государственной, а по своей национальной принадлежности, соответственно — татарской и дагестанской. Дальше — больше. Давид Кугультинов объявляется советским калмыцким поэтом, а Василий Иванович Лебедев-Кумач просто советским поэтом. А ведь в составе энциклопедической редакции четыре доктора филологических наук и шесть кандидатов!

Авторы статей заметно избегают вдаваться в оценки творческих масштабов писателей. Тем более приятное исключение составляют Гёте и Горький с четким определением их выдающейся роли в своих национальных литературах. Но даже Пушкина, который «наше все», энциклопедия позиционирует только как российского писателя и поэта. И не более! Соответствующим образом представлен и Адам Мицкевич. У нас только Достоевский объявлен классиком и только Гоголь и Чехов — великими.

Нечто подобное наблюдается и в характеристиках других видов искусства. Древнерусские художники идут русскими, но дальше — сплошь российские. И вдруг... То ли разглядели, то ли, наоборот, проглядели: русский художник Валентин Серов. Слава тебе господи! При том композиторы XX века Стравинский, Кабалевский, Свиридов идут как российские, а Яворский без обиняков — советский.

Есть вопросы в части творческой конкретизации деятелей искусства. Пушкин сказан поэтом и писателем — предположим! Лермонтов — поэтом и прозаиком. Не дотягивает, видимо, Лермонтов до писателя... Андрей Рублев и Дионисий, как известно, одинаково художники-иконописцы. Но только первый из них определен целостным званием художника, а второй лишь по функциональной роли — иконописцем. С мастерами кисти нового времени — новая терминологическая карусель. Из двух Серовых Валентин признан собственно художником, а Владимир — живописцем. Но если даже так, то почему именно живописцами, а не художниками записаны гении Суриков и Репин? Объемы этих понятий далеко не равнозначны.

Еще — о выборе имен для публикаций и о точности характеристик. Сейчас о безвременно ушедшем Юрии Кузнецове пишут как о поэте, творчество которого воспринималось читателями и критиками как отмеченное печатью величия и соотносимое с классикой¹. Но «Большая эн-

циклопедия» о нем — как в басне Крылова: «Слона-то я и не приметил». А насчет комедии Грибоедова «Горе от ума», помимо датировки создания, узнаем только, что «в среде московской аристократии произведение было воспринято как пасквиль» и что «Грибоедову не удалось добиться разрешения на ее опубликование». Вот такая визитная карточка великого произведения!

Или еще один случай. Имя первого русского писателя митрополита Илариона, XI век, принято писать с одной буквой «л». Так оно и есть в одном случае (т. 18, с. 388), а в другом — уже с двумя: Илларион (т. 42, с. 571). У Марка Твена, помнится, есть сюжет: «Британская энциклопедия», — из этой же серии.

В итоге пользоваться прекрасной новой энциклопедией приходится с некоторой корректировкой, но все равно рыться в ней — увлекательнейшее занятие, которое рекомендую всем.

¹ См.: *Литературная газета*. 2006. 22—28 нояб.

